

1958 год

Тракторы и комбайны в руки крестьян

На традиционном правительственном новогоднем приеме в Георгиевском зале Кремля отец провозгласил тост в честь победителей во Второй мировой войне и впервые в советской послевоенной истории особо обозначил вклад тогдашнего главнокомандующего союзными силами на Западе, а ныне американского президента, генерала Дуайта Эйзенхауэра. Присутствовавшие на приеме дипломаты не оставили этот его шаг без внимания, как и заявление о том, что победителей, случись война, не будет.

7 января Советское правительство объявило об увольнении из армии трехсот тысяч военнотружущих, в дополнение к уже проведенному в 1955–1956 годах сокращению Вооруженных сил на 1 миллион 840 тысяч человек. На большее военные не соглашались, а отец пока не настаивал – в этом году 300 тысяч, а там посмотрим.

Одновременно выводили 55-тысячный армейский контингент из Германии и Венгрии. Содержание за границей войск обходилось в копеечку, приходилось платить и за землю, и за воду, и за пищу, и все по весьма высоким ценам. Так что общая экономия получалась существенной.

Высвободившиеся ресурсы направлялись в сельское хозяйство и строительство жилья. Но все это – капля в море. Чтобы добиться поставленных целей, достичь эффективности народного хозяйства не ниже американской, требовалось заставить систему работать, работать эффективнее, как только можно и где только можно. И в этом году сельское хозяйство оставалось приоритетом отца. В феврале он предпринял очередную попытку сделать труд крестьян производительнее. 25–26 февраля 1958 года в Москве прошел Пленум ЦК КПСС, посвященный дальнейшему развитию колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций (МТС).

Поясню, почему это так важно. По прошествии лет обсуждавшийся на Пленуме вопрос, казалось бы, вообще не заслуживает упоминания: были МТС – не стало МТС, не велика забота. Неверно. Изменение отношения к МТС знаменует смену приоритетов в истории не только российского крестьянства, но и страны в целом.

Все началось вскоре после революции, когда в 1921 году Ленин, убедившись в неэффективности военного коммунизма и пагубности рекомендаций марксистской теории об отмирании государства, ликвидации денежного обращения и прочего, прочего, прочего объявил о «переходе «всерьез и надолго» к новой экономической политике – нэпу. Другими словами, к возврату к более понятным и привычным денежно-рыночным отношениям, конечно, под присмотром государства и там, где они не вступали в противоречие с государственными интересами и провозглашенной индустриализацией. Кое-кто сейчас посетует на сохранявшуюся неполную свободу рыночных отношений, несоответствие нэпа догме Адама Смита, но свободные от всякого вмешательства сверху отношения производителей и потребителей, продавцов и покупателей такая же надуманная химера, как и рекомендованный марксистами-идеалистами прямой плановый продуктообмен. Истина – где-то посередине. За поиск этой золотой середины и взялся Ленин. По крайней мере, мне так представляется.

8 промышленности, в городах особых проблем не возникло, поменяли законы, и жизнь преобразилась буквально на глазах: голод военного коммунизма, реквизиций и продразверсток ушел в прошлое. Полки как бы ниоткуда возникших магазинов заполнились тоже взявшимися ниоткуда товарами, конкурировавшими и теснившими государственную торговлю. Отец, тогда руководитель районного звена в Донбассе, старался подвигнуть подчиненные

ему магазины на соперничество с частником-лавочником, но без особого результата. Лавочник оказывался и ловчее и динамичнее. В общем, дело в городах налаживалось.

А вот с крестьянством все обстояло сложнее. Чтобы сделать сельское хозяйство эффективным, требовалось не просто позволить им возделывать поля без помех, но работать не по старинке, не сохой и косой, а трактором и комбайном. Но откуда рядовому крестьянину взять деньги на трактор, и где он разыщет сам трактор? В России их начнут производить только в середине 1930-х. Заказать в Америке? Мало кто из крестьян вообще слышал о существовании Америки. Согласно плану Ленина, заботу о механизации, об осовременивании крестьянского труда брало на себя государство. Закупили первые машины. Теперь предстояло решить, как ими распорядиться. Продать крестьянам? На всех не хватит, да мало кто сможет купить. Решили создать государственные машинно-тракторные станции (назывались они в разное время по-разному), которые за плату обязывались обрабатывать индивидуальные крестьянские наделы. Одновременно решалась проблема обучения трактористов и ремонтников. Неграмотных в своей массе крестьян новая техника пугала, а в МТС создавались зародыши технологической цивилизации. Так и поступили. Ленин тогда назвал цифру: 100 тысяч тракторов преобразуют российскую деревню под стать американским фермам. Что произойдет дальше, сохранятся МТС на селе или нет, он не загадывал. Сохранились. Ленин умер 22 января 1924 года, и Сталин, воспользовавшись идеями Троцкого, распорядился страной по-своему: во второй половине 1920-х годов прикрыл нэп. Затем, уже без Троцкого, провел коллективизацию, вернул деревню в архаическое общинное, почти дореформенное (1861 года) состояние.

В сталинской аграрной стратегии МТС отводилась иная роль, из проводников новых технологий они превратились в опричников, «око государево», надзирающее за крестьянством, сначала единоличным, а затем колхозным. Без МТС колхозам и шага не ступить, без машины не вспашешь, не посеешь, не пожнешь. Иметь собственную технику колхозам возбранялось. МТС за свою работу взимали с колхозов часть урожая в оплату, по установленным правительством по своему разумению расценкам.

Таким образом, крестьянин по существу обкладывался двойным налогом: определяемыми государством обязательными поставками доли урожая и оплатой услуг МТС по ценам, определяемым государством. Вырваться из этого заколдованного круга без доброй воли все того же государства крестьянину не представлялось возможным.

С годами система МТС разрасталась, бюрократизировалась. Машин в их распоряжении становилось все больше, а эффективность использования техники снижалась. Энтропия, как это свойственно самоусложняющейся бюрократической структуре, неуклонно возрастала. Каким образом это происходило на деле? Очень просто. Как и всякое государственное «сидевшее на бюджете» предприятие, МТС всеми силами выбивали фонды на закупку машин – чем больше выбьешь, тем престижнее. Возникал замкнутый круг: МТС «осваивали» все больше средств, заказывали все больше техники, промышленные министерства по их заказам производили все больше машин и механизмов, техника частично использовалась по назначению, остальное ржавело на складах и по истечении записанного в регламент срока, списывалось в утиль. Затем выбивались новые фонды, «закупались» новые машины. И так без конца.

Отец, выросший в колхозно-энтээсной системе, поначалу относился к ней как к естественной. Изнутри многое до поры до времени кажется естественным. В 1956 году в отчетном докладе XX съезду партии он говорил о возрастающей роли МТС, о том, как с их помощью, переходить к комплексной механизации сельского хозяйства. Говорил о деталях, не осмысливая пока сути отношений между колхозами и МТС.

Задумался он уже после съезда. Подтолкнул его к тому, по свидетельству помощника отца по сельскохозяйственным делам Андрея Степановича Шевченко, академик, экономист

Алексей Матвеевич Румянцев, в те годы редактировавший главный партийный теоретический журнал «Коммунист». Еще до съезда, зимой 1956 года, он прислал Хрущеву записку с «крамольным» предложением оставить на селе одного хозяина – колхоз, а МТС упразднить. Тем самым, по его мнению, устранится двоевластие, дела пойдут лучше, ведь недаром говорят, что у семи мамок дитя без глаза. Отец, со слов Шевченко, внимательно прочитал записку, но ничего не предпринял и даже ничего не сказал. Ему требовалось все как следует обдумать, созреть. Созревал отец более года. Шевченко решил, что «крамола», заброшенная Румянцевым, и вовсе позабыта. Он ошибался. Отец ничего не забыл, он думал, вчитывался в затребованные справки, снова раздумывал и запрашивал новые документы и статистические отчеты. Оказалось, что в сравнении с имевшими в своем распоряжении технику совхозами колхозная продукция: зерно, сахарная свекла, хлопок, виноград, чай – получаются в два, а то и в два с половиной раза дороже. Отец поначалу предположил, что колхозы на этом зарабатывают. Они, пусть и формально, не государственные, а кооперативные предприятия. Отец попросил представить ему развернутую информацию о структуре колхозных доходов. Оказалось, что колхозы ничего не зарабатывают, а только теряют. Причина – нерациональное использование техники.

К осени 1957 года отец дозрел. 28 ноября он вынес вопрос об МТС на заседание Президиума ЦК. Пока речь шла не о ликвидации, а о переводе МТС на хозрасчет, чтобы жили они не на бюджетные средства, а на то, что заработают. Отца беспокоила неопределенность собственного предложения, ведь «доходы» МТС определяются ценой предоставленных ими услуг. А цены эти диктуются, пусть и не произвольно, но сверху. Положение же колхозов остается бесправным – ни техники у них нет, ни альтернативной МТС. Какую бы с них плату не запросили, придется платить. Отец заикнулся было: «Может быть, кое-где МТС ликвидировать, превратить их в государственные ремонтные мастерские?» Его вопрос повис без ответа, уж очень он звучал непривычно. Как можно обойтись без МТС? Отец не настаивал. Решили создать комиссию для подготовки «перевода МТС на хозрасчет».

Комиссия начала работать, а тем временем отца продолжали одолевать сомнения, хозрасчет все меньше и меньше представлялся ему рациональным выходом из положения. И он решил, не дожидаясь выводов комиссии, сформулировать свои предложения.

«Если проанализировать вопрос получения продуктов от колхоза за работу МТС, то выявится неприглядная картина. Получаем зерно, по меньшей мере, в два раза дороже совхозного... Удорожание происходит за счет нерационального использования техники... – рассуждал отец. – Когда и земля, и техника будут находиться в руках одного хозяина, тогда машины будут производительнее использоваться. Этим мы еще больше развяжем инициативу колхозников». Впервые он обнародовал свою позицию 26 декабря 1957 года в Киеве на праздновании 40-летия установления Советской власти на Украине.

Слова отца прозвучали вызывающе, он покусился на главную догму марксистской теории, посчитал возможным передать технику из структур государственной формы собственности во второсортную, кооперативно-колхозную. Теперь эти изыски кажутся смешными, но тогда ликвидация МТС отдавала ревизионизмом. И не в одном ревизионизме дело. Новация с МТС затрагивала судьбы множества людей и, что еще важнее, устоявшихся бюрократических структур. В стране насчитывалось без малого 8 тысяч МТС с 1 миллионом 700 тысячами тракторов, не говоря уже о других машинах, в них работало около двух миллионов человек. Все они получали, пусть небольшую, но гарантированную зарплату, а в колхозах их ожидал трудодень, натуральная оплата и все прочие «прелести».

Даже самые близкие к отцу люди старались его переубедить.

«Я говорю, – вспоминает Шевченко, – Никита Сергеевич, нельзя МТС ликвидировать сразу во всех местах. Там, где колхозы еще бедные, следует оставить, иначе потеряем кадры трактористов, потеряем технический контроль. Он говорит: “Это частный вопрос”.

Мы знаем, что МТС – это государственная собственность, а колхоз – кооперативная, – говорю я тогда, – впереди идет государственная, за ней кооперативная. Вы разрушаете государственную, укрепляя кооперативную, а это противоречит тому-то и тому-то! Он молчит. (По всей вероятности, разговор происходил в Киеве, после процитированного выше выступления отца.)

Приехали в Москву. Он приглашает одного главного редактора и одного академика и говорит: «Вот мне Шевченко подбросил «ежика», что я разрушаю государственное, укрепляю кооперативное. Вы мне помогите выйти из этого положения...»⁵⁰

Апелляции к теории на отца не действовали, на него больше влияли аргументы прагматично-рациональные, чем абстрактные «цитатные». Когда же он убеждался в целесообразности задуманного, то цитаты подбирались так, чтобы служить делу, а не дело слепо следовало за книжными догмами.

Свои записки, речи, предложения, как я уже упоминал, отец писал сам, а «псаломщики» – ученые-теоретики уже после подыскивали в обоснование необходимые цитаты. Для них труды классиков марксизма-ленинизма были сродни Библии для церковных реформаторов: если как следует в них порыться, всегда отыщется подходящая цитатка.

И в случае с МТС, «один главный редактор и один академик (Шевченко по чему-то не захотел раскрыть их имен, но, скорее всего, один из них – академик Румянцев. – С. Х.) посидели два дня – приходят. Никита Сергеевич, ничего страшного нет, говорят, собственность не будет ни государственной, ни кооперативной, а будет одна общенародная...»

Итак, Хрущев решился, произнес очередную речь на очередном Пленуме ЦК, члены ЦК в очередной раз дружно поддержали инициативу, создали авторитетную комиссию для выработки детального плана реформы МТС и представили проект на всенародное обсуждение. После обсуждения и голосования на сессии Верховного Совета СССР, предстояло придать нововведениям статус закона. Отец теперь не предпринимал никаких серьезных решений, не посоветовавшись с народом. Разумеется, против никто открыто не высказывался, до этого тогдашняя демократия еще не доросла, но поправки, дополнения сыпались как из рога изобилия. Многие из них нашли свое место в окончательном тексте проекта закона. Так что «всенародное обсуждение» перед голосованием стало первым, пусть и не широким, шагом в направлении демократии.

31 марта 1958 года Верховный Совет СССР единогласно проголосовал за новый закон. МТС уходили в историю. Но оставалась одна существенная заковыка: как распорядиться с той частью урожая, которую раньше колхозы выплачивали МТС?

Сначала отец подумывал, не оставить ли ее колхозам, но Министерство финансов и заготовители возразили: нельзя, возникнут проблемы со снабжением городов. Они предлагали попросту увеличить обязательные государственные поставки, фактически конфисковать высвобождавшуюся часть урожая. Таким образом, реформа МТС становилась бессмысленной: колхозники не выигрывали, а проигрывали, им предстояло бы выкупать за счет своих «доходов» технику и одновременно продолжать выплачивать аренду.

Отец с финансистами не согласился и вместо этого предложил шагнуть дальше. Заседавший 16–17 июня 1958 года очередной Пленум ЦК, по настоянию отца, вообще отказался от обязательных государственных сельскохозяйственных поставок. С 1 июля 1958 года государству предписывалось закупать у крестьян их продукцию, правда, по установленным самим же государством ценам. То, что останется, колхозам позволялось продавать кому угодно, а на деле тому же государству, но уже по договорным ценам.

⁵⁰ Собственных мемуаров Шевченко не оставил. Его воспоминания, человека, близкого к отцу, вошли в статью А. Стреляного «Последний романтик», опубликованную в Приложении к четырехтомному сборнику воспоминаний Н. С. Хрущева «Время. Люди. Власть».

Слово «закупать» прозвучало тогда непривычно-подозрительно, просто нэп какой-то, но Хрущеву перечить не решились, и члены ЦК дружно проголосовали «за». Одновременно с переходом к закупкам простили крестьянам недоимки. Жизнь начиналась с чистого листа. Без груза старых долгов колхозы смогут наконец-то стать процветающими.

Отец продолжал раздумывать над взаимоотношениями государства с крестьянами-колхозниками и после принятия закона. Приведу несколько цитат из его выступлений.

«Могут сказать, мы идем к коммунизму и в то же время разворачиваем товарные отношения, не противоречит ли это одно другому? Нет, не противоречит.

Устанавливаемые в настоящее время цены должны быть одновременно и стабильными и подвижными, – рассуждал он. – Они будут стабильными в том смысле, что при нормальной, средней урожайности цены не должны меняться. Но бывают резкие отклонения в ту или другую сторону, бывают исключительно благоприятные и исключительно неблагоприятные для урожая годы. Если этого не учитывать, то тогда в благоприятный год колхоз получит большой доход при тех же затратах, которые он имеет при среднем урожае. Это для государства накладно. С другой стороны, при засухе собирается низкий урожай и, следовательно, он не оправдывает издержек. Колхоз может серьезно пострадать, если государство не окажет ему помощь в виде повышения закупочных цен, или прямой ссуды семян, или даже обеспечения продовольствием. Необходимы не только стабильность, но и подвижность цен на сельскохозяйственные продукты».

«Сейчас мы покупаем зерно во всех колхозах, – отец развивает ту же тему в другом выступлении. – Видимо, скоро настанет время, когда государство начнет покупать хлеб в тех колхозах, которые продадут его по более низкой цене. Те колхозы, которые будут выращивать дорогой хлеб, окажутся перед серьезными трудностями в сбыте зерна. Государство дорогой хлеб не купит, вряд ли на него найдется спрос на рынке. Отсюда задача снижения себестоимости продукции встает как одна из наиболее важных».

«На смену налогу приходит свободная продажа и покупка продуктов по ценам, отражающим уровень производства и производительности труда», – говорил отец в выступлении на Пленуме ЦК 15 декабря 1958 года и пошел дальше, заявив, что принцип свободной продажи продуктов постепенно распространится на все отрасли хозяйства.

Слово «конкуренция» не произнесено, но оно читается между строк. В этих заявлениях при желании можно разглядеть намек на рыночное колебание цен, определяемое спросом и предложением. Все зависит, как смотреть и что пытаться рассмотреть. Важно, что такая мысль возникла, она логически вытекала из всех предыдущих поисков отцом той ниточки, дернув за которую, он сможет развязать весь узел противоречий советской экономики. И теперь ему казалось, что эту ниточку он нашупал.

По сути, отец попытался изменить структуру взаимоотношений в советском обществе, вместо продвижения к предписанному теорией прямому продуктообмену без всякого участия денег – бартеру, он разворачивался к рынку, когда покупатель стремится купить товар подешевле, а продавец продать его повыгоднее. Робкий, но все-таки шаг. На переход к закупкам сельскохозяйственной продукции отец возлагал большие надежды. По существу, он провозгласил то, что через двадцать лет, в 1978 году, повторит Дэн Сяопин, но не просто повторит, а проведет этот принцип в жизнь, сделает его стержнем реформирования китайской экономики.

Отцу же, к сожалению, преодолеть инерцию системы не удалось. Замена обязательных поставок продаж сельскохозхозяйственных продуктов дала некоторую передышку крестьянам, но совсем небольшую и недолгую. Платили теперь за не сдаваемый, а продаваемый государству хлеб по-прежнему мало, столько, сколько Министерство финансов считало возможным заплатить. А финансисты – люди скупые. Других же покупателей, как и предска-

зывал отец, на «рынке» не находилось. Оставалось одно – сокращать издержки, повышать эффективность производства, как и советовал колхозам отец.

Но и тут получалось не все ладно. Согласно новому закону, колхозникам предстояло выкупить у МТС технику по сниженным ценам в течении двух-трех, но не более пяти лет. При этом слабые колхозы могли машины и не покупать, их продолжали бы обслуживать МТС. Однако денег в бюджете, как водится, не хватало и финансисты решили, что хорошо бы все свернуть за год, причем обязать «покупателей» расплатиться не в рассрочку, а за все разом и сполна.

Как удалось уговорить отца, ума не приложу, ведь, выступая в марте 1958 года на сессии Верховного Совета СССР, он приводил цифры, доказывающие, что такое просто невозможно, «неделимые фонды колхозов в 1958 году составляли примерно 25 миллиардов рублей, а стоимость передаваемых им машин, с учетом износа, оценивалась в 18–20 миллиардов рублей».

Сам сказал, и вот на тебе. Так и хочется найти спасательную лазейку, объяснить, что бюрократы действовали за его спиной, обманывали. Может быть, и обманывали, но первое лицо несет ответственность за все и за всех независимо ни от чего. Да и не знал он, увлекся, сам призывал не раз следовать примеру «маяков», досрочно забиравших технику и расплачивающихся за нее, конечно, добровольно. Но он, в свою очередь, знал и цену «добровольности», если Москва и ЦК к чему-либо призвали, то уж обкомы и райкомы выколотят это «добровольно» с не меньшим усердием, чем раньше НКВД выколачивало из «врагов народа чистосердечные признания». Негативные последствия не заставили себя долго ждать. Если в конце 1957 года насчитывалось 7 903 МТС, то к концу 1958 года их осталось 346, а в 1960 году – всего 29. На покупку машин колхозы потратили 18 миллиардов рублей.

В результате инвестиционный потенциал колхозов сошел к нулю. На новые преобразования: строительство, улучшение агротехники – средств практически не осталось.

В дополнение ко всему, не знаю уж каким образом, вопреки требованиям отца «изменить практику неимоверного завышения цен на сельскохозяйственные машины, горючее и другие изделия для колхозов», им повысили цены на запасные части к передаваемой технике, горючее, а потом и на новые машины. Причем цены выросли не на 5 – 10 процентов, а в два и более раз.

Тогда же, основываясь на предположении, что после передачи техники колхозам, «эффективные новые собственники» распорядятся ей куда рациональнее, чем МТС, обойдутся меньшим количеством машин, решили сократить производство сельхозтехники. Сказано – сделано. Планы производства урезали. Запорожский комбайновый завод «Коммунар» вообще перепрофилировали на производство автомашин, горбатых «Запорожцев», скопированных с итальянских малолитражек «Фиат-600».

Как это часто случается, реалии жизни оказались далеки от ожиданий. В колхозах механизаторы не стали работать лучше, зарплата у них не только не возросла, но даже упала, в результате кое-кто вообще ушел в город. Потребность в технике не понизилась, а, начиная с 1960 года, повысилась, пришлось принимать меры по увеличению производства сельхозмашин. Следом устранили и финансовые «перекосы», в 1961 году колхозам списали оставшиеся долги за переданную технику, снизили цены на сельскохозяйственные машины, запасные части к ним, горючее и смазочные материалы. Жизнь постепенно вошла в свое русло.

Большинство специалистов, отдавая должное прогрессивности задумок Хрущева, оценивают эту его реформу как неудачную.

Но можно взглянуть на реформу МТС под иным углом. Отец всерьез задумывается о необходимости изменения самой системы, впервые в обиход вводились понятия пусть еще

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

доруночной, но конкуренции. В этом смысле реформа МТС – очередной после совнархозов логический шаг в направлении децентрализации сверхцентрализованной экономики.